Published on *МКУ ЦОДОУ* (http://46.45.32.78:8080)

В ДЕСЯТКУ! Что можно почитать учителю литературы

Опубликовано чт, 18/11/2010 - 22:16 пользователем Гость (не проверено)

Наум Лазаревич ЛЕЙДЕРМАН, доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

«Литература» обратилась к филологам, педагогам, писателям (прежде всего к тем, кто получил педагогическое образование, имеет опыт работы в школе), деятелям искусства, так или иначе связанным с образованием, с двумя вопросами:

1. Назовите пять книг (литературоведческих, художественных), изданных в последние годы, которые полезно прочитать учителям литературы.

2. Назовите пять книг (художественных, научно-популярных и т.д.), изданных в последние годы, которые вы советуете прочитать школьникам.

В № 5 под рубрикой «В десятку!» мы начали публиковать ответы. Сегодня — продолжение.

Из того нового, что удалось прочесть в последние несколько лет, выделил бы (по художественному качеству) и рекомендовал **включить в круг чтения старшеклассников** следующие вещи.

Роман Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого». Вроде бы обыкновенная семейная хроника, а на самом деле — эпическая сага, сага о жизни как неустанной борьбе за рождение, за явление человека на белый свет, о жизни, от того тем более трепетно ценной, что её на каждом сантиметре подстерегает угроза гибели, зачастую нелепой, обидно случайной. Это я, читатель, так велеречиво суммирую свои впечатления, а книга-то сама озвучена по-романному — тут житейский говор соседствует со стилизацией под апокриф, бытовой рисунок с тонкой психологической деталировкой, тут даже то, что обычно называют непристойным, предстаёт чистым и святым.

Настойчиво советую прочитать **роман трагически ушедшего из жизни Александра Павловича Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»**. Повествование тут прячется под незамысловатые мемуары, даже не мемуары, а не очень-то жёстко свинченные хронологическими или какими-то другими беллетристическими “болтами” воспоминания главного героя “о времени и о себе”. А время-то описывается то самое, когда мы все были “соузниками по социалистическому лагерю” (как скаламбурил один из персонажей романа), да и место соответственное — город где-то в восточном Казахстане, превращённый в отстойник для ссыльнопоселенцев. И скрытым сюжетом романа оказывается диалог двух философий поведения в таких исторических обстоятельствах. Философия нравственной чистоплотности и если не сопротивления, то по крайней мере несоучастия. Это позиция деда. Чего это стоило тогда, в атмосфере страха, доносительства и принудительного идолопоклонничества, знает всякий, кто хоть краешком своей судьбы захватил это время. А другая позиция — это философия интеллигентского конформизма, стыдливого, смущающегося соглашательства с царящим духовным гнётом. Это — позиция отца. Между ними — сам герой, которому оба равно

дороги — и дед, и отец. Но перевес симпатий мальчишки в сторону деда проступает в “скрытой”, очень интересной форме. Герой романа с детской непосредственностью воспринимает буквально каждое словечко — он вслушивается в музыку слова, пробует его на зубок, обнюхивает, дурачится с ним, разбивая и слепляя в немыслимые комбинации (вот где вырывается наружу великолепный филологический дар Чудакова). Какое клубление семантических ореолов при этом происходит! Здесь — в поле весёлой словесной игры — и реализует себя дух свободы, которым заражается от деда внук. Посредством словесного баловства он вскрывает истины, запрятанные под спудом морфологических и фонетических трафаретов, открывает новые значения, а за ними — новые явления, раздвигает мир вокруг себя, преодолевает гнёт казённых стереотипов и раций. Но он не замыкается в филологических играх, он и землю копать умеет, и вообще вкалывать по-чёрному. Короче говоря, у него дело рождается из слова, поэтому дело его всегда осмысленное, ответственное. Словом, роман Александра Чудакова — это и очень умная, очень благородная книга, и это буквально уроки филологической культуры для читателя любого возраста, тем более — для нашего с вами “клиента”.

В круг чтения нынешних подростков я бы включил **несколько рассказов Андрея Геласимова**, и прежде всего — **«Нежный возраст»** (он напечатан в первом издании сборника Геласимова «Фокс Малдер похож на свинью» — М.: Изд-во ОГИ, 2001). Здесь тонко, на полутонах, академически говоря — на подтекстах и интертекстах, показан процесс превращения современного озлобленного волчонка в нормального человека, способного сочувствовать другому. А само чтение этого рассказа заставит читателя взъерошить свой культурный фонд, может быть, даже устыдиться его ограниченности.

Посоветовал бы также дать в руки нашим старшеклассникам **рассказ Марины Вишневецкой «Опыт принадлежания»** (журнал «Октябрь». 2002. № 10). Он и по жанру подходит. Это рассказ-поучение, но поучение мягкое, материнское: мать хочет соединить сына с его корнями, а это возможно только через память, через приобщение к прошлому, где было столько крови и страданий. В рассказе цитируется Иоанн Златоуст: “Господи, избави мя всякого неведения, и забвения, и малодушия, и окамененнаго бесчувствия”. Я не пожелаю своим детям и внукам пройти через то, что досталось на долю их родителей, дедов и прадедов. Но я хочу, чтоб они это всё пережили, пропустили через сердце. Иначе соединительная ткань между поколениями не образуется. А кроме того, культуре сострадания, равно как и культуре страдания, тоже надо учить!

Из серьёзных поэтических явлений я бы выделил **лирику Бориса Рыжего**. Он прожил всего 26 лет. Сейчас издают буквально всё, что им написано. Между тем сам Борис был очень требователен к себе и многие свои стихи не считал достойными печати. (Сужу по его собственным признаниям на встрече со студентами филфака Уральского педуниверситета где-то в 1998 или 1999 году.) Но из того, что издано, можно выбрать десяток-другой очень хороших стихотворений. В них появился новый для нашей поэзии лирический субъект — “приблатнённый” парень с заводской окраины. Конечно, это ролевой образ, маска, под которой скрывается бунтарь, что самим образом своей жизни хочет эпатировать “приличную публику”, дорвавшуюся до “мерседесов” и чёрной икры. А у Бориса Рыжего нравственный бунт имеет эстетический резонанс — он оборачивается неприятием постмодернистской игры на понижение статуса поэтического высказывания, выливается в стремление восстановить традиционные принципы лирического самовыражения — чтобы боль была болью, а стон стоном…

Что же до книг научных, то тут надо отметить нечто приятное в самом векторе литературоведческих работ. Ещё пару лет назад литературоведение наше было затоплено всевозможными словарями. Конечно, это дело очень полезное. Да, видимо, и актуализация

этого жанра была неслучайной — надо было проделать ревизию основных понятий и привести в относительный порядок терминологический аппарат. В длинном ряду подобных изданий я бы выделил **энциклопедию «Западное литературоведение XX века»** и **энциклопедический словарь терминов «Эстетика. Теория литературы»**, составленный Ю.Б. Боревым. Но в то же время словарный бум был знаком методологической растерянности, в которую наша наука впала после крушения догм “марксистско-ленинского учения”. Та каша, которая кипела в наших головах, типографски могла быть упорядочена только алфавитом (ну, как в «Кыси» Татьяны Толстой).

Теперь же, кажется, на смену каталогизации приходит время структуризации научных представлений, появляются опыты системного изучения материала, начинают оформляться крупные теоретические и историко-литературные концепции. Что я имею в виду?

Прежде всего — издание сразу **нескольких учебников по теории литературы**: один — **В.Е. Хализева,** другой — написанный **Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпой** и **С.Н. Бройтманом**, и совсем недавно — **«Введение в литературоведение»** (**под редакцией Л.В. Чернец**). Далеко не со всеми идеями и даже методологическими принципами авторов этих учебников я согласен. Однако считаю их появление фактом очень отрадным. Ибо убеждён, что изначальным источником пороков преподавания литературы в школе являются очень зыбкие теоретические представления у современных учителей-словесников и почти полное отсутствие навыков анализа литературного текста (именно как художественного феномена, а не гольного “акта коммуникации”).

Ещё одно свидетельство того, что наступает “время собирать камни”. Наконец, после в некотором роде пробных, популяризаторских пособий по русской литературе XX века появился солидный двухтомный труд (**под редакцией В.А. Келдыша**), который хоть и назван осторожно **«Русская литература на рубеже веков: 1890-е — начало 1920-х годов»** (ИМЛИ, 2000–2001), но на самом деле представляет собой фундаментальную научную историю литературного развития в течение Серебряного века, учитывающую новые сведения, стремящуюся представить весь спектр основных художественных тенденций и дать взвешенную, освобождённую от идеологических предубеждений характеристику творчества наиболее выдающихся и действительно “знаковых” художников этого времени.

К отрадным явлениям отношу также и то, что академическое литературоведение стало поворачиваться также к изучению современного литературного процесса. Появилось несколько пособий и хрестоматий по литературе “постсоветского периода”. Хочу обратить внимание коллег-словесников на монографии наших уральских учёных:

«Литература в поисках лица: русская проза в конце XX века» М.П. Абашевой (Пермь, 2001) и **«Современная проза: конструкция и смысл» Т.Н. Марковой** (М., 2003).

Из учебных изданий выделю пособие для старшеклассников и студентов **К.Д. Гордовича «Русская литература конца XX века»** (СПб., 2003) и **«Хрестоматию по современной русской литературе для старшеклассников и абитуриентов»** (Екатеринбург, 2003), которую подготовил **Л.П. Быков**.

Примечательно, что и за рубежом явно растёт интерес к современной русской литературе. Так, в США в авторитетной **серии «Словарей литературных биографий»** вышел в 2004 году (под № 285) толстенный том **«Russian Writers since 1980»** с обстоятельными статьями о сорока русских писателях (от Акунина до Жванецкого), написанными целой “командой” американских и русских литературоведов (**соредакторы М.Балина и М.Липовецкий**). Если бы у нас дома с таким же тщанием делались подобные работы… Пока же научное качество большинства

отечественных учебных пособий, посвящённых литературе “постсоветского” периода, оставляет желать лучшего, материал компонуется эклектично, без сколько-нибудь внятного “основания деления”. Но всё-таки “лёд тронулся…”

Категория:
Методлитература [1]

Source URL: http://46.45.32.78:8080/news/desyatku-chto-mozhno-pochitat-uchitelyu-literatury

Ссылки
[1] http://46.45.32.78:8080/mmc/metodliteratura